

„Слова“ — написания издания 1800 г. или екатерининской копии — до сих пор являются гадательными и спорными. Такими они, видимо, останутся и всегда, и поэтому нет ничего удивительного в том, что мы встречаемся с разноречиями у редакторов текста „Слова“, когда они делают выбор между чтениями мусин-пушкинского издания и екатерининской копии.

Нельзя считать бесспорным и обычно отдаваемое Д. С. Лихачевым в этом случае и в других предпочтение начертаниям издания 1800 г. перед начертаниями екатерининской копии. Можно думать, например, что принятые Д. С. Лихачевым написания этого издания „половецкаго“, „старога“, „залетѣло“, „залетѣти“, „полетѣти“, „стрѣлами“ (дважды) „веселія“ вместо „половецкого“, „старого“, „залѣтѣло“, „залѣтѣти“ „полѣтѣти“, „стрелами“, „веселія“ екатерининской копии введены первыми издателями в угоду современной им орфографии.

Не все конъектуры, принятые Д. С. Лихачевым, способствуют прояснению некоторых почти безнадежно темных мест „Слова“. К числу их принадлежит: вместо „Спала князю умь похоти“ 1-го изд. — „Спаль князю умь похоти“ (в авторском переводе — „ум склонился князя перед желанием“); вместо „на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю“ 1-го изд. — „на болони бѣша дѣбрь кияня и несошася къ синему морю“ (в авторском переводе — „в предградье стоял киевский лес, и понеслись (они — вороны) к синему морю“). (В этой конъектуре, во-первых, отсутствует логическая связь между обоими предложениями, во-вторых, Святослав, рассказывая боярам о своем сне, говорит о необычных, тревожных вещах, привидевшихся ему, и странно было бы, если бы рядом с ними указывалось, как недоброе предвестие, то, что было не во сне, а наяву, т. е. киевский лес, который, по справке комментатора, на самом деле находился перед теремом Святослава); вместо „и схоти ю на кровать и рекъ“ 1-го изд. „и съ хотию на кровъ, а тѣй рекъ“ [в авторском переводе: „(прибит) на кровъ со своим любимцем, а тот сказал“]. Все эти конъектуры так же мало проясняют смысл этих темных мест, как и другие, ранее предложенные. Вряд ли вообще кто-либо может дать удовлетворительные и убедительные исправления этих совершенно невразумительных мест.

Едва ли мы также уясним себе когда-нибудь такое предельно искаженное предложение, которое с незначительными вариантами читается в мусин-пушкинском издании и в екатерининской копии: „Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца старога времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти“. И принятая Д. С. Лихачевым, вслед за Забелиным, конъектура „Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца старога времени Ярославля, Ольгова коганя хоти“ (в переводе: „Сказали Боян и Ходына, святославовы песнотворцы, старого Ярослава, Олега князя любимцы“) едва ли что-либо уясняет по-настоящему в этом безнадежно испорченном месте „Слова“.